

БАГРОВОЕ НЕБО

ЧАСТЬ 1 БЕЛЫЕ ВОРОНЫ

ПУСТАЯ СТУДИЯ / АЛЕКСАНДР ЧУВАРЛЕВ

Александр Чуварлев
Пустая Студия
Багровое небо. Часть
1. Белые вороны

<https://litres.ru/74203182>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что остаётся человеку, когда небо становится красным, а дождь — кислотой?

Только вера в то, что где-то за горизонтом есть другая земля. Или ненависть к тем, кто отгородился за бетонными стенами. Эйдан Хант не ищет ни того, ни другого. Он просто хочет выжить и защитить тех, кто ему дорог.

Но пустошь не терпит спокойных. Слухи о брошенном бункере приводят его к порогу, за которым — не еда и не патроны. За ним — выбор, который изменит всё.

Кто станет жертвой, а кто — охотником? И можно ли остаться человеком, когда мир сошёл с ума?

Содержание

Белые вороны	4
Глава 1 Горбун	5
Глава 2 Хант	14
Глава 3 Горбун	22
Глава 4 Спарки	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Багровое небо. Часть

1. Белые вороны

Белые вороны

Глава 1 Горбун

Капля упала ему на запястье — туда, где заканчивался рукав плаща и начиналась голая, обветренная кожа. Он не успел стряхнуть. Тонкая прозрачная капля, почти незаметная на сером свете, вдруг вскипела, зашипела, и на том месте сразу вздулся маленький белый пузырёк, полный сукровицы.

Горбун выругался сквозь зубы. Не от боли — он давно уже почти не чувствовал таких мелких ожогов, — а от злости на себя. Нельзя было высовывать руки из-под плаща. Мать учила его ещё мальчишкой: «Не иди под дождь. Он съедает кожу за пять минут. Сначала краснеет, потом пузырится, потом мясо слезает лоскутами». Пять минут давно прошли. А он всё шёл.

Дождь был не тот, под которым хочется гулять ночи напролёт. Не тот, при котором лучше сидеть дома с кружкой горячего чая — хотя о чае он мог только мечтать, настоящим, с листьями, а не из сосновой коры. И даже не тот страшный ливень, что топит поля и размывает дороги: полей всё равно не осталось, а дороги уже давно сравнялись с пустошью. Этот дождь был обжигающим, кислотным, до невозможности горячим — таким, будто кто-то наверху опрокинул цистерну с серной кислотой и забыл закрыть небо.

Шестьдесят лет назад, говорили старики, небо было си-

ним. И дождь был водой. Обычной водой, которую можно было пить, не боясь, что она прожжёт горло. Теперь же от того мира не осталось почти ничего. Ни интернета, ни телефонов, ни машин на дорогах — только остовы, вросшие в землю по самые окна. Цивилизация, что так быстро росла, сделала два, а то и три шага назад. И только теперь, под этим проклятым дождём, люди поняли, как легко всё было раньше и как тяжело, когда ничего этого нет.

Его звали Яр, но все кличали Горбун. Хотя горба у него и не было. Просто когда ему было двенадцать, он спрятался в старой бочке из-под топлива, а потом не мог разогнуть спину две недели. Так и прилипло.

Он шёл уже второй час. Может, третий — он сбился со счёта. Небо цвета запёкшейся крови не давало тени, багровые облака висели низко, и нельзя было понять, где полдень, а где вечер. Солнце, если оно вообще ещё существовало, пряталось где-то за этим красным саваном. В Дыре — так называлось его селение, пять крыш из рифлёного железа и бетонных плит — время меряли по дождю. Тихо — утро. Слишком громко — день. Кончился — ночь. Сейчас дождь стихал. Значит, скоро ночь. А ночью по пустоши лучше не ходить.

— Ты долго ещё? — крикнул он вперёд, в серую мглу.

Шагов за десять от него, пригибаясь под редкими каплями, шёл Косой. Своё прозвище он получил не за косоглазие — хотя один глаз у него и правда затянуло бельмом после то-

го, как он вдохнул какую-то дрянь из разбитой лаборатории, — а за то, что всегда смотрел куда-то в сторону, даже когда говорил с тобой лицом к лицу. Будто всё время видел что-то за твоей спиной. Возможно, так оно и было. На пустоши каждый видел то, чего другие не замечали. Иначе не выжить.

— Недолго, — отозвался Косой, не оборачиваясь. Голос у него был сиплый — противогаз без фильтра, болтающийся на шее, натирал горло. — Вон за теми домами поворот. Если, конечно, домами это можно назвать.

Горбун посмотрел в ту сторону, куда указывал Косой. Домами это можно было назвать с большой натяжкой. Раньше, наверное, здесь был посёлок — может, даже небольшой город. Теперь от него остались только зубы. Так он называл про себя стены, торчащие из земли под разными углами, — одни накренились, другие лежали плашмя, третьи стояли прямо, но без крыш, без окон, без дверей, с пустыми глазницами проёмов. Здания, покусанные взрывами, напоминали оазисы в пустыне — только вместо воды в них была смерть. Внутри могло засесть что угодно: от радиоактивной пыли до двухголовой твари, которая спит в подвале и просыпается, когда слышит шаги.

— Ты говорил про бункер, — сказал Горбун, ускоряя шаг, чтобы поравняться с Косым. Плащ противно скрипел на каждом шагу — резина задубела от холода и кислоты. — Бункер, оружие. Где это?

Косой наконец повернул к нему своё узкое, обтянутое

жёлтой кожей лицо. Второй глаз, тот, что ещё видел, был красным от напряжения — или от слёз. Горбун не стал спрашивать.

— В двадцати километрах отсюда, на запад, — сказал Косой шёпотом, хотя вокруг, кроме них, не было ни души. Только ветер, который гнал по пустоши клочья радиоактивного тумана, и редкие капли дождя. — Но туда идти через Долину Обречённых. Ты знаешь, что это такое.

Горбун знал. Каждый Прежний знал. Долина Обречённых — полоса земли между западными холмами и старым руслом реки. Когда-то там был военный полигон. Шестьдесят лет назад туда упало несколько зарядов, может, десятков — точно никто не считал. Земля там до сих пор светилась по ночам слабым зелёным светом, а воздух казался густым, как сироп. Говорили, что если пройти по Долине без защиты, то через три дня начинаешь кашлять кровью, а через неделю кожа слезает целиком, как старая змеиная шкура. И это в лучшем случае. В худшем — ты не успеваешь умереть от радиации, потому что тебя находят те, кто там живёт. Или то, что там живёт.

— Ты спятил, — сказал Горбун, и это прозвучало не как оскорбление, а как констатация факта. — Мы не пройдем через Долину. У нас даже нормальных противогазов нет.

— А если я скажу, что в бункере есть не только оружие? — Косой снова понизил голос. — Там, по слухам, целый склад. Противогазы. Аптечки. Еда. Та самая еда, которую никто из

нас не видел десять лет. Не сорняк, не крысятину, а настоящую — в банках, в герметичной упаковке.

Горбун остановился. Он стоял под редкими каплями дождя, чувствуя, как кислота прожигает маленькие дырочки в плаще, и смотрел на Косого. Второй глаз того блеснул — не от слёз, нет, от лихорадочного огня. Жадности? Отчаяния? Или того и другого.

— Откуда ты знаешь про бункер? — спросил Горбун тихо.

— Перекупщик рассказал. Тот, что ходит между Дырой и Городом. — Косой сплюнул на землю густую тёмную слюну. — Он сам туда не пойдёт — боится. Но показал на карте. Старой, довоенной. Я запомнил.

При упоминании Города Жизни Горбун невольно повёл плечом, будто кто-то тронул его за лопатку. Город Жизни. Так НоМиры называли своё детище — огромный заводской комплекс, который за шестьдесят лет разросся до целого города. Там были рынки, аптеки, магазины, бары — места, где человек мог утолить и голод, и жажду, и тоску по прошлому. Там каждые сто метров стояли машины, очищающие воздух от радиации — слабо, но хоть что-то. Там были стены — высокие, бетонные, с вышками через каждые пятьсот метров, и на вышках всегда стояли часовые с автоматами. Не с кусками арматуры, а с настоящим оружием, которое стреляло, а не просто пугало.

Но Город Жизни был не для Прежних. Прежние — это те, кто выжил на поверхности, кто прятался в подвалах и общих

бомбоубежищах, когда пришли бомбы. У них не было бункеров с запасами скота и семян, как у НоМиров. У них не было оружия. У них не было будущего.

Некоторые из Прежних, самые отчаянные или самые голодные, сами приходили к стенам Города. Не с оружием — с пустыми руками. Им открывали. Давали еду. Воду. Крышу над головой. Но взамен ставили клеймо — раскалённым железом на левую щёку, под глаз, чтобы все видели. Номер. И с этого дня ты переставал быть человеком. Ты становился вещью, которую можно продать, обменять, поставить на любую работу — от уборки выгребных ям до чистки тех самых машин, что очищают воздух. Многие из Прежних говорили: «Лучше умереть на пустоши, чем жить с клеймом». Но те, кто так говорил, никогда не пробовали настоящий голод. Тот, когда живот пухнет от сорняка, а внутри — пустота, такая огромная, что кажется, будто ты уже мёртв, только забыл упасть.

— Я не пойду в Город, — сказал Горбун, возвращаясь мыслями к разговору. — Даже за оружие. Даже за еду. Ты знаешь, что там делают с Прежними.

— Я и не предлагаю идти в Город, — терпеливо ответил Косой. — Я предлагаю взять оружие в бункере и продать его перекупщику. А на вырученное — купить у него же защиту. Противогазы. Аптечки. И уйти на север. Туда, где, говорят, вообще нет ни НоМиров, ни дождей. Только снег.

Горбун помолчал. Ветер донёс запах — горелая плоть,

озон, ещё что-то сладковато-гнилостное. Может, труп какого-то зверька, который не успел спрятаться от дождя. Может, то, что страшнее.

— А если перекупщик нас обманет? — спросил он.

— А если мы останемся здесь и сдохнем от голода? — парировал Косой. — Или от радиации? Или тебя утащит то, что живёт под старым мостом?

Они оба замолчали. Под старым мостом — Горбун знал это точно — действительно что-то жило. Большое. Злое. Слишком много зубов для одного рта. Говорили, что это была когда-то собака, большая, вроде овчарки, а потом её исказило. Или не собака — кто теперь разберёт. Но он слышал её ночью. Она не лаяла. Она рычала — низко, с подвыванием, и звук этот пробирал до костей, до самого нутра, где прячется тот самый страх, о котором никто не говорит вслух.

— Ладно, — сказал Горбун после долгой паузы. — Показывай дорогу. Но если ты врёшь, Косой, если мы придём в Долину Обречённых и там ничего нет — я скормлю тебя твари под мостом. Не завтра. Не через неделю. Я притащу тебя туда связанны, брошу как кусок мяса, переломаю ноги чтобы не сбежал и буду слушать, как ты кричишь, пока тварь будет тебя пожирать, раздирая твою плоть кусок за куском.

Косой кивнул. Глаз его не дрогнул.

— Не совру, — сказал он. — Хватит врать. Наврались уже.

Они пошли дальше. Дождь почти кончился — только из-

редка на плечи падали одиночные капли, и каждая оставляла маленький ожог. Красное небо медленно темнело, становилось бордовым, потом фиолетовым, потом почти чёрным. Звёзд не было. На пустоши наступала ночь, и где-то далеко, за горизонтом, притаился Город Жизни — тусклые огни, которые отсюда казались не звёздами, а просто болезненными пятнами на сетчатке.

Косой остановился и вытащил из-под плаща два коротких факела — деревянные палки с намотанной на концах промасленной ветошью. Тряпки отсырели, и огонь долго не хотел браться. Косой чиркал огнивом, прикрывая руки от ветра, пока наконец не появилась слабая искра. Ветошь задымилась, затрещала, и над пустошью разгорелось маленькое жёлтое пламя. Горбун поджёг от него второй факел.

— Это последние, — сказал Косой, глядя на огонь. — Больше у нас нет.

— Ничего страшного, — ответил Горбун. — До бункера хватит.

Они снова двинулись вперёд. Факелы освещали лишь несколько шагов дороги, выхватывая из темноты битый камень, ржавую арматуру и чёрные лужи, поверхность которых подрагивала от редких капель дождя.

Горбун не обернулся. Ему не хотелось смотреть на эти огни. Каждый раз, когда он их видел, он вспоминал мать. «Не иди за мной, — сказала она тогда. — Я вернусь». Он так и не

узнал, умерла она или жива до сих пор. Рабы в Городе Жизни не имели имён. Только номера.

Он шёл в темноту, на запад, и думал только об одном: оружие. Настоящее оружие, которое стреляет. Может быть, с ним он сможет не просто выживать, а жить. Может быть, с ним он сможет вернуться к Городу и... и что? Выкупить мать? Убить тех, кто поставил на неё клеймо? Он не знал. Но надежда — даже самая глупая, даже самая обречённая — была единственным, что согревало его в эту холодную, радиоактивную ночь.

Впереди, за грудой битого кирпича, начиналась Долина Обречённых. И оттуда, из темноты, тянуло чем-то сладким и одновременно гнилым — запахом, который он никогда раньше не чувствовал, но сразу понял: это не к добру.

— Держись ближе, — сказал Косой, и в его голосе впервые прозвучал не страх, а что-то другое. Что-то похожее на решимость. — И не дыши глубоко.

Они сделали первый шаг в Долину. Дождь кончился совсем.

Глава 2 Хант

Избушка стояла на самом краю Долины Обречённых, там, где земля ещё не совсем сошла с ума от радиации, но сорняк уже рос красным, а не зелёным. Её сколотили из старых гнилых досок — когда-то это был то ли сарай, то ли сторожка лесника, — и она больше походила на штаб повстанцев или домик на дереве, хотя вокруг не росло ни одного дерева уже лет сорок. Стены покрывал мох, который светился по ночам слабым зелёным светом; внутри пахло пылью, старой кожей и перечной мятой — единственной травой, которая росла у крыльца и которую Аллан Хант жевал, когда не хватало курева.

Здесь, в этой покосившейся конуре, старый охотник жил с двумя сыновьями: Кеем и Эйданом. Аллан никогда не был примерным отцом. Да и разве в такое время можно было вообще быть примерным хоть в чём-нибудь? В мире, где небо красное, а дождь жжёт кожу, не существует учебников по воспитанию. Но своих сыновей он вырастил настоящими мужчинами — в том смысле, какой вкладывали в это слово на пустоши: они умели убивать, не моргнув глазом, и умирать, не жалуясь. Женской руки в доме всё равно не хватало. Матери не стало, когда мальчишкам не было и пяти лет. Долина сгубила её — так сказал отец. Эйдан никогда не знал подробностей. Он только помнил запах её волос — тонкий

аромат ванили, довольно редкий и притягательный запах в пустоши — и то, как она улыбалась, когда он засыпал у неё на коленях.

Кей был точной копией отца в молодости: крепкий, широкий в плечах, с тяжелой челюстью и взглядом, который женщины находили то ли пугающим, то ли притягательным. Ему было двадцать два — или двадцать три, дни рождения здесь давно не праздновали, — и он уже считался лучшим охотником в округе после самого Аллана. Заносчивый, вспыльчивый, иногда теряющий контроль над собой, когда ситуация требовала холодной головы. Кей был из тех, кто сперва бил, а потом задавал вопросы. Часто после избиения вопросов не оставалось.

Эйдан, которому едва минуло восемнадцать, пошёл в мать. Не лицом — в лицо он тоже был похож на Хантов, скуластый, с глубоко посаженными глазами цвета старой стали, — а характером. Спокойный, молчаливый, он умел слушать, а не говорить, замечать то, что другие пропускали. Он первым слышал, как в зарослях крапивы — той самой, мутировавшей, с листьями размером с ладонь — затаился зверь. Он первым видел следы, которые другие не замечали. Но внутри него всегда жила тихая тревога: а правильно ли он выбрал путь? Может, охота — это не его?

Обед давно прошёл — съели похлёбку из сорняка и маленький кусок вяленого мяса, которое Кей принёс с прошлой вылазки. Теперь старший брат сидел у окна и зашивал курт-

ку грубой драпвой, то и дело ругаясь, когда игла натыкалась на засохшую кровь. Эйдан устроился в старом кресле, которое Аллан выменял у перекупщика на три крысиные шкуры. Кресло скрипело, пружины вылезали наружу, но сидеть в нём было привычно. Эйдан достал губную гармошку — единственную вещь, которая осталась от матери, — и заиграл что-то тихое, без названия.

— Эй, Эйд? — Кей не поднимал головы от куртки, но уголок его губ дёрнулся в ухмылке. — Уверен, что не хочешь пойти к пчеловедам?

Гармошка отстранилась от губ Эйдайна и музыка затихла. Он вздохнул, его карие глаза упёрлись в потолок, где между досок виднелось красноватое небо.

— Пошёл к чёрту.

— Я так и вижу тебя в этой идиотской шляпе, — продолжал Кей, теперь уже откровенно улыбаясь. — Сетка на морде, перчатки по локоть. Идеальный муж для какой-нибудь зажиточной вдовы-агрономши.

— И на хрена я спасал твою задницу от того кабана? — Эйдан положил гармошку на колено и повернул голову к брату. Без злобы. Просто устало.

— Ты же знаешь, что я бы сделал то же самое, будь я на твоём месте.

Эйдан молча кивнул. Это была правда. Месяц назад они вдвоём выследили старого секача — тварь размером с небольшой грузовик, с тремя рядами клыков и шкурой, в ко-

торой застревали даже самодельные бронебойные наконечники.

Кей полез вперёд, как обычно необдуманно, и чуть не распорол себе брюхо об острые клыки секача. Эйдан раньше брата успел проанализировать обстановку и понять к чему всё приведёт. Он положил стрелу в тетиву и натянул свой старый, но всё ещё надёжный лук. Прицелился. Стрела вылетела и попала прямо в глаз секача. Тварь взревела и рухнула, забрызгав обоих своей чёрной, вонючей кровью. Если бы не меткость и холодный расчёт Эйдана, Кей был бы мёртв. Эйдан знал, что слова Кея были правдой: и он на его месте тогда сделал бы то же самое. Они были братьями. Это не требовало объяснений.

— Ну вот и я о том же, — Кей вернулся к шитью, но ухмылка не исчезла. — А насчёт землекопов ты подумай. У них, говорят, бабло водится.

— Какое бабло? Обмен, — буркнул Эйдан. — И нет.

— Эй, бездельники! — голос Аллана Ханта раздался из угла, где старик сидел на перевёрнутом ящике и набивал самокрутку сушёной травой. Ему было под шестьдесят, но выглядел он на все восемьдесят: морщинистое лицо, руки в шрамах, один глаз слезился постоянно — старая радиационная болезнь, которая никак не проходила. — Так и будете собачиться? Яйца друг другу откусывать?

— Отец, — Кей отложил куртку и повернулся к Аллану, — может, договоримся с мистером Ортега, чтобы он взял

Эйдана к себе на грядки? Толку с него как из козла молока. Башкой работает, а руками — нет.

— Помолчи, Кей. — Аллан затаился, выпустил дым — серый, едкий, пахнувший горелой листвой. — Твой брат такой же охотник, как и мы с тобой. Да, Эйдан?

Эйдан почувствовал, как в груди что-то сжалось. Он посмотрел на отца. Взгляд старика был тяжёлым, но не злым — скорее изучающим, как будто он видел сына насквозь и хотел услышать, что тот скажет.

— Да, отец, — сказал Эйдан. В голосе его прозвучала обречённость, которую он не смог скрыть.

Аллан усмехнулся — коротко, без радости.

— Вот и ладно. А теперь подняли задницы и вперёд, на рынок. — Он выбил пепел на земляной пол. — Обменяйте шкуру кабана на траву и заварку у Дриса. И зайдите к Бену в мастерскую, заберёте мою броню. Старый хрыч обещал закончить к сегодняшнему вечеру.

— Какую броню? — удивился Кей. — Ты же говорил, что старая ещё ходит.

— Новая лучше, — Аллан поднялся, потянулся — хрустнули позвонки. — А старая пусть Эйдану достанется. Парню скоро в большую охоту идти, не с голой же жопой.

Эйдан хотел что-то сказать, но отец уже вышел на крыльцо, закуривая новую самокрутку. Остался только запах табачного дыма и тишина, в которой Кей снова ухмыльнулся.

— В кишках эти торгоши уже, — Кей говорил громко,

чтобы отец слышал, но тот уже отошёл. — Почему бы нам просто не завести своего агронома? Посадили бы картошку, и не надо было бы каждый раз через полдолины тащиться.

— Я подожду тебя на улице, идиот.

— Уже и пошутить нельзя что ли? Неженка!

Эйдан вышел наружу, не оглядываясь. Прохладный воздух пустоши ударил в лицо — пахло радиацией, мокрой золой и чем-то сладковатым, что тянуло со стороны Долины. Он присел на лавку, сколоченную из двух досок и камня. Крыльцо скрипнуло под его весом.

Гармошку он оставил внутри, в кресле. Без неё пальцам было легче — он сжал их в кулаки и разжал, разминая суставы.

Слова брата застряли в голове, как колючка. «Пчеловоды... землекопы... башкой работаешь, а руками нет». Кей шутил, конечно. Но в каждой шутке, как говорила мать — до того, как её не стало, — была только доля шутки. Всё остальное — правда.

Эйдан посмотрел на свои руки. Длинные пальцы, тонкие запястья. Не такие, как у Кея — мозолистые, с перебитыми костяшками. Его руки годились для гармошки, для лука, для того, чтобы перевязывать раны. Но не для того, чтобы держать тяжёлый нож, когда кабан идёт на тебя с тремя рядами клыков.

Может, и правда охота не его? Может, прав этот клоун?

Он никогда не знал матери. Только запах ванили и улыбку,

которая таяла, как только открываешь глаза. Отец не рассказывал про неё — отмалчивался, курил и уходил в пустошь на несколько дней. А когда возвращался, молчал ещё сильнее. Эйдан иногда представлял её: добрая, спокойная, с мягкими руками. Она бы не хотела, чтобы её сын каждый день рисковал жизнью ради куска мяса.

Но выращивать траву он хотел ещё меньше. Сидеть на грядках в противогазе и резиновых сапогах, выпалывать сорняк, который норовит тебя ужалить или отравить, и осознавать, что это — твоя жизнь до самой смерти? Нет. Лучше уж кабан.

— Пошли, Эйд. — Кей вышел из избушки, на ходу застёгивая куртку. За спиной у него болтался свёрток со шкурой — сегодняшняя добыча, которую надо обменять. — О чём мечтал?

Эйдан поднял взгляд. Кей стоял над ним, заслоняя красное небо, и смотрел с той особенной, старшей, усмешкой, которая умела быть и насмешливой, и тёплой одновременно.

— Да так... — Эйдан пожал плечами.

— Эй, я же твой брат.

— Вот именно. Тебе меньше всего хочется говорить.

Кей засмеялся — гулко, по-медвежьи.

— А по рёбрам?

— Ладно-ладно. — Эйдан поднялся с лавки. — Просто подумал... может, ты и прав. Охота это не моё.

Кей перестал смеяться. Он наклонил голову, разглядывая

брата так же, как только что разглядывал отец.

— А что тогда твоё?

Эйдан было открыл рот, но тут же осёкся. В голове было пусто. Ни одной идеи, ни одной картины будущего, где он занят чем-то другим. Он просто знал, что охота — не его. Но не знал, что тогда.

— Не знаю, — сказал он совершенно искренне.

Кей помолчал, потом вздохнул. Его рука легла на плечо Эйдану — тяжёлая, надёжная.

— Ну... про пчеловода ты всё-таки подумай, — сказал Кей, и в его голосе впервые за день не было насмешки. Только что-то похожее на добрую улыбку. — Шляпа тебе даже пойдёт. Будет чем баб пугать.

— Натяни на свою ехидную рожу противогаз, ты так красивее, — буркнул Эйдан, но уголок его губ дрогнул.

— Ну вот, хоть шутишь, — Кей хлопнул его по плечу. — А то я уж думал, ты окончательно скис.

Они пошли в сторону рынка — вверх по едва заметной тропе, которая вилась между кучами битого кирпича и остовов машин. Эйдан шёл чуть позади, смотрел на широкую спину брата и думал о том, что, наверное, быть охотником — это не только уметь убивать. Это ещё и уметь жить с мыслью, что тебя могут убить в любую минуту. И принимать это.

Глава 3 Горбун

Долина Обречённых встретила их тишиной. Не той тишиной, какая бывает в пустоши, — с ветром, с редкими каплями дождя, с далёким скрежетом ржавого железа. Нет. Здесь тишина была ватной, плотной, она давила на уши, как при глубоком нырке. Горбун слышал только собственное дыхание — хриплое, с присвистом — и стук крови в висках.

Земля под ногами была чёрной. Не чёрной от сажи или грязи — чёрной, как будто кто-то выжег её до самого основания, до базальта, и залил сверху маслом. Она хрустела под подошвами, но этот хруст был не от гравия — от тонкой корки спекшейся радиационной пыли, которая ломалась, как сахарная глазурь. Горбун старался дышать через платок, намоченный мочой — старый способ, которому его научил ещё отец. Моча связывала частицы. Не все, но хоть что-то. Косой шёл впереди, и его тощая фигура в болтающемся противогазе казалась призраком — полупрозрачной, грязной тенью на фоне красного неба.

Они шли уже несколько часов. Может, пять. Может, восемь. Горбун потерял счёт времени после того, как они миновали старый мост — тот самый, под которым жила тварь. Она не вышла. Может, спала. Может, чувствовала, что добыча идёт в Долину, а туда даже монстры соваться не рисковали. А может кем-то уже насытилась.

— Долго ещё? — голос Горбуна прозвучал чужим — сухим, потрескавшимся, как старое дерево.

— Не знаю, — ответил Косой, не оборачиваясь. — Карта у меня в голове, но всё здесь изменилось. Говорят, после каждого дождя Долина меняет русла и овраги. Как живая.

— Живая, — хмыкнул Горбун без радости. — Мёртвая она. Просто не хочет нас отпускать. Вцепилась как баба и изматывает, пока не сдохнем.

Вокруг не было ничего, кроме низкого тумана, который стлался по земле и пах сладко — приторно, как переспелые фрукты, которых Горбун никогда не пробовал. Он знал этот запах. Озон, йод и ещё что-то, от чего начинало кружиться голова. Он приказал себе не вдыхать глубоко, но лёгкие горели, требовали воздуха, и каждый вздох был как глоток жидкого огня.

Косой споткнулся о торчащий из земли кусок арматуры, упал на колени, и долго не мог встать. Горбун подошёл, поднял его за шкурку, как котёнка. Косой был лёгким — кости да кожа, не больше сорока килограммов. Рукав его ватника пропитался чёрной жижой, и оттуда, изнутри, лезли маленькие белые черви — не живые, нет, просто радиационные ожоги так гноились. Горбун отвернулся. Ничего нельзя было сделать. У них не было ни аптечки, ни чистой воды, ни даже тряпки, которой можно перевязать рану. В Долине была только смерть и крохотная надежда на то, что они дойдут до бункера.

— Слушай, — Косой выпрямился, утёр лицо рукавом. Глаз его блестел лихорадочно. — А если там ничего нет? Если этот перекупщик наврал?

— Тогда мы сдохнем здесь. — Горбун не стал смягчать слова. — Вопрос только — быстро или медленно. Медленно — хуже.

— Обнадёживающе, — косой кивнул. Он понял.

Они пошли дальше. Туман сгущался. Красное небо исчезло — его затянуло чем-то серым, вязким, похожим на вату. Горбун заметил, что идти стало легче: земля под ногами выровнялась, исчезли битые кирпичи и куски бетона. Теперь под подошвами был мелкий песок — серый, как пепел. И в этом пепле не росло ничего. Ни красного сорняка, ни светящегося мха, ни даже плесени. Мёртвая земля. Абсолютно стерильная. Такая бывает только в эпицентрах старых взрывов.

— Мы почти пришли, — прошептал Косой. — По карте, бункер должен быть вон за теми холмами.

Горбун посмотрел вперёд. В тумане угадывались две неровные возвышенности — не холмы даже, а просто вздутая земля, будто под ней кто-то похоронил танк или, может быть, целый склад. Никаких признаков бункера: ни люка, ни антенны, ни вентиляционной трубы. Только песок, туман и давящая тишина.

Они прошли ещё шагов двести. Горбун чувствовал, как силы уходят из каждой клетки. Ноги стали ватными. Глаза

слезились от тумана — или от радиации, которая уже начала делать своё дело. Во рту был привкус крови. Он знал этот привкус. Первый признак лучевой болезни. Если они не найдут бункер в ближайшие полчаса, то не найдут уже никогда — потому что через час он начнёт блевать кишками.

— Там! — Косой ткнул пальцем вперёд.

Из тумана проступила железная крышка. Круглая, ржавая, с выбитыми буквами, которые Горбун не смог прочитать — то ли стёрлись, то ли глаза уже отказывали. Крышка была присыпана песком, но не полностью. Рядом, чуть поодаль, виднелась вентиляционная труба — погнутая, но целая. Из неё не шёл пар, не тянуло теплом. Бункер казался мёртвым.

— Открывай, — сказал Горбун, опускаясь на колени. Он больше не мог стоять.

Косой подошёл к крышке, попробовал поддеть её гнутым куском арматуры — тем самым, который Горбун носил как оружие. Крышка не поддавалась. Ржавчина сожрала петли, но не настолько, чтобы открыть её голыми руками.

— Помоги, — попросил Косой.

Горбун заставил себя подняться. Вдвоём они навалились на арматуру, кряхтели, матерились, чувствуя, как песок въедается в глаза, как туман сжимает горло. Крышка поддалась со скрежетом — таким громким, что Горбуну показалось, будто этот звук слышен во всей Долине. Ржавая железка откинулась в сторону, открывая чёрный прямоугольник люка. Оттуда повеяло холодом и чем-то старым, кон-

сервным, как из погребка.

— Есть, — выдохнул Косой. — Я же говорил тебе, олух ты неверующий. Бункер.

Они заглянули внутрь. Внизу была темнота. Ни огня, ни звуков. Лестница — железная, с проржавевшими ступенями — уходила вниз, в никуда. Горбун прислушался. Тишина. Только капли воды — или чего-то другого — падали где-то глубоко, и звук разносился по пустым коридорам.

— Спускаемся? — спросил Косой.

— Подожди, — Горбун выпрямился. Что-то было не так. Во всём этом. Слишком легко они нашли бункер. Слишком удачно. Перекупщик, который дал карту, — откуда у него такая точная информация? Почему он сам не пришёл сюда? Почему продал тайну за несколько пучков травы и старую батарейку?

Но спрашивать уже было поздно. Ноги подкашивались. Радиация жгла лёгкие. Если не сейчас, то никогда.

— Выбора нет, спускаемся, — сказал он.

Первым полез Косой. Ступени скрипели, но выдерживали. Горбун — следом, стараясь не смотреть вниз, где темнота казалась живой. Через пять ступеней он перестал видеть свои руки. Ещё через десять — почувствовал, как стены сомкнулись вокруг, влажные, шершавые, покрытые чем-то склизким. Металлический запах усилился, смешиваясь с запахом плесени с старой крови.

Они спустились. Где-то на дне, на ощупь, наткнулись на

дверь — герметичную, тяжёлую, с вентилем. Косой взялся за холодный вентиль и попытался прокрутить его. Дверь не поддавалась. Горбун решил помочь. Вдвоём они сдвинули её с места, и в лицо им ударил воздух — холодный, сухой, пахнувший лишь металлом и пылью. Никаких признаков, что здесь есть еда. Ничего.

— Темно, — сказал Косой. — Надо бы свет.

— Нет у нас света. Последние факелы потратили на дорогу сюда.

Они сделали несколько шагов внутрь. Пол был бетонным, ровным, без песка и мусора. Горбун вытянул руку, нашарил стену. По стене шли какие-то трубы, кабели, полки. Он провёл рукой по полке — пусто. Следующая полка — пусто. Третья — тоже.

— Здесь ничего нет, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, как в могиле.

— Не может быть, — Косой засуетился, зашарил руками по сторонам. — Перекупщик говорил — ящики с патронами, аптечки, консервы. Их не могли вывезти, бункер засекреченный был.

— А их никто и не вывозил, — раздался голос снаружи, сверху, от люка.

Сердце Горбуна ухнуло вниз. Он замер, не дыша. Рядом затаих и Косой. Наверху, у открытого люка, кто-то стоял. Двое. По теням, падающим в проём, Горбун насчитал две фигуры — мужские, широкие, в бронежилетах. Сверкнул

ствол автомата. Обычного автомата, довоенного, который не клинит после каждого выстрела.

— Что, суки, — сказал первый голос — спокойный, почти ленивый, с усмешкой. — Хотели наши припасы прикарманить?

Горбун вжался в стену. Рука сама потянулась к поясу, где висела арматура. Бесполезно.

— Давай, Найджел, избавимся от мусора — продолжал первый. Акцент — не пустошный, чистый. Городской. Но-Мир.

— Ты уверен, Майкл? — второй голос дрогнул. Найджел. Он не предлагал отпустить — он просто боялся. Боялся стрелять в темноте, боялся, что кто-то из этих двоих может быть вооружён, боялся сделать первый шаг. Горбун слышал этот страх — он пропитывал каждое слово. — А если... если у них есть оружие? Если они не одни?

— У них ничего нет, — отрезал Майкл. — Посмотри на них. Они еле ползают. Радиация их уже сожрала изнутри. Мы делаем им одолжение.

Майкл помолчал, потом добавил, уже спокойнее:

— А скупщику заплатим ещё. Пусть продолжает ходить по селениям и травить байки про бункер. Сказки про халявные патроны и консервы. А мы будем сидеть здесь и отстреливать этот скот, пока они сами полезут к нам в руки. Рано или поздно все Прежние узнают, что в Долину соваться нельзя. А кто не узнает — тех и жалеть нечего.

— Но... — начал Найджел.

— Ты чего как баба! Стреляй давай, чёрт возьми, — оборвал его Майкл. В голосе не было злобы. Только усталое равнодушие человека, который делает это не в первый раз.

Вспышка. Очередь. Звук в бетонной коробке ударил по ушам так, что Горбун ничего не услышал — только звон, бесконечный, пронзительный звон. Тело дёрнулось само, откачиваясь подчиняться. Он упал на колени. Потом на бок. Бетонный пол был холодным — удивительно холодным после всего того жара, который был снаружи.

Он повернул голову. Рядом, в двух шагах, лежал Косой. Его единственный глаз был открыт, но уже застекленел. Из рта текла тонкая струйка крови — не красной, а чёрной, почти дегтярной. Косой не дышал.

Горбун хотел сказать что-то — проклятие, молитву, может быть, просто имя матери. Но из горла выходило только бульканье. Грудную клетку разрывало огнём. Он посмотрел вверх, туда, где в прямоугольнике люка маячили две тени. Майкл и Найджел. НоМирь. Охотники на людей.

— Чисто, — сказал Майкл. — Пошли. И закрой люк. Пусть гниют.

— А если кто найдёт? — голос Найджела снова дрогнул. Ему всё ещё было страшно, даже после того, как всё кончилось.

— Кто найдёт в Долине Обречённых? — Майкл усмехнулся. — Только такие же дураки. А мы им новую сказку со-

чиним. Скупщик своё дело знает.

Лязгнула крышка. Темнота стала полной — абсолютной, густой, как дёготь.

Горбун лежал на бетоне, смотрел в эту темноту и ждал. Боли почти не было. Только тепло, разливающееся по животу, — странное, обманчивое тепло. Он подумал о матери. О том номере на её щеке. О том, что так и не узнал, жива она или нет.

Может, сейчас узнает.

Он закрыл глаза.

Красное небо осталось где-то далеко, за железной крышкой. В бункере было холодно и черно. И тихо — так тихо, что Горбун слышал, как капает где-то вода. Кап. Кап. Кап.

Потом он перестал слышать и это.

Глава 4 Спарки

Во время пути до рынка Кей постоянно уходил далеко вперёд, погружённый в какие-то свои мысли, потом возвращался, матерился и подгонял медлительного брата. Так, через каких-то двадцать минут, они вышли к огромной парковке.

Когда-то здесь, до войны, десятки, а то и сотни машин стояли рядами, дожидаясь своих хозяев. Теперь от асфальта остались только островки — чёрные, потрескавшиеся, с проросшим сквозь них красным сорняком. Остальное пространство превратилось в рынок.

Он был виден издалека. Над рядами поднимался дым от жаровен, хлопали на ветру разноцветные лоскуты, служившие вывесками, слышались крики торговцев, ругань покупателей и чей-то хриплый смех. Люди текли между прилавками плотным, медленным потоком. Кто-то тащил на спине мешок с травой, кто-то нёс связку освежёванных крыс, держа их за хвосты. Двое мальчишек катили перед собой автомобильное колесо, подталкивая его ржавыми прутьями, пока торговка в засаленном платке не пригрозила оторвать им уши, если они заденут её товар.

У входа на рынок сидел безногий старик. Перед ним лежала перевёрнутая жестяная кружка, а на груди висела дощечка с криво выведенной надписью: «ОХОТНИК. ПОСТРАДАЛ

ОТ МЕДВЕДЯ». Кей задержал на нём взгляд и тихо хмыкнул.

— Врёт, — сказал он. — Ноги слишком ровно отрезаны. Медведь так аккуратно не умеет.

Старик услышал, поднял голову и показал Кею средний палец.

— А язык тебе, смотрю, медведь не откусил, — ответил Кей.

Эйдан толкнул брата в спину, пока тот не решил продолжить разговор.

Столики — сколоченные из досок, старых дверей и листов железа — тянулись неровными рядами. Над каждым на скорую руку было прилажено подобие зонтика: проржавевшие каркасы, на которые худо-бедно натянули брезент, а где-то лишь простые тряпки, сшитые воедино. Тени эти навесы почти не давали, но в самые жаркие часы, когда багровое небо накалялось добела, спасали хоть как-то.

Торговцы зазывали покупателей, стараясь перекрыть друг друга.

— Чистая вода! Почти не фонит!

— Сапоги! Кожа настоящая, не крысиная!

— Мазь от ожогов! Намазал — и кожа как новая! Если кожа ещё осталась!

Возле одного из прилавков женщина с красным от постоянного кашля лицом спорила с продавцом из-за банки соли. Она трясла перед ним связкой сушёной рыбы, продавец мо-

тал головой и требовал добавить патрон. Рядом две старухи ощупывали кусок ткани, растягивая его в разные стороны и обсуждая каждую дырку так серьёзно, будто выбирали броню для похода в Долину.

В воздухе стоял специфический запах — смесь прелой травы, вонючего пота, кислого тряпья и жареного мяса, редкого и оттого особенно приятного. Однако сильнее всего пахло человеческими испражнениями, и этот запах тянулся от туалетов, вырытых позади старого ангара. Ветер время от времени менял направление, и тогда люди в ближайших рядах дружно морщились, но никто не уходил. Ко всему можно привыкнуть, особенно если больше торговать негде.

У одной из жаровен вертелась на железном пруте тушка неизвестного зверька. Хозяин уверял, что это кролик. Судя по длинному голому хвосту и четырём маленьким ушам, кролик пережил не лучшие времена. И всё же возле жаровни собралась очередь. Люди смотрели на потрескивающую корочку так, будто перед ними лежал праздничный ужин.

Прилавки с травой — высушенной, спрессованной в пучки, редко свежей, красноватой, похожей на обгоревшую морковную ботву, — чередовались с оружейными точками. Оружие здесь было самое простое: трубы, набитые гвоздями и ржавыми шурупами — выстрелишь один раз, потом полчаса перезаряжаешь; ножи, выточенные из старых напильников или рессор; изредка — самодельные арбалеты с тетивой из троса.

Один продавец демонстрировал покупателю короткое ружьё, ствол которого был обмотан проволокой.

— Надёжная вещь, — говорил он. — Сам три раза стрелял.

— И сколько раз попал?

— Один.

— А остальные два?

— Зато живой стою.

Огнестрел попадался не чаще, чем белая муха в Долине. И стоил так, что за один исправный ствол можно было купить весь прилавок Дриса Ортеги вместе со всей его травой.

Напротив оружейки, под огромным навесом из рифлёного железа, расположились столики с азартными играми. Кости из обточенных позвонков, карты, самодельные рулетки. Здесь всегда толпился народ — кого привлекала возможность разбогатеть за минуту, кого просто шум и движение.

За одним из столов двое мужчин держали третьего за плечи, пока тот орал, что кости подменили. Хозяин стола спокойно собирал выигрыш — три патрона и банку воды, — не обращая на него внимания. Чуть дальше молодая женщина с ребёнком на руках наблюдала за игрой мужа. Каждый раз, когда тот бросал кости, она закрывала глаза, будто молилась.

Ставки делали всем, чем можно: патронами, банками с водой, сушёной рыбой, иногда — услугами. Говорили, один парень прошлой зимой проиграл себя в рабство, потом месяц отбивался лопатой от новых хозяев, пока не сбежал в пу-

стошь.

Были и другие прилавки — с одеждой, рваной, чиненой-перечиненой и пропахшей дымом; с украшениями из медной проволоки и стекляшек; с книгами — больше всего молитвенников и довоенных журналов, где на глянцевой бумаге улыбались женщины в странных платьях; со сломанной техникой — телефонами и планшетами, которые никто уже не умел чинить. Продавцы всё равно уверяли, что вещи рабочие. Просто электричества подходящего нет.

Возле прилавка с украшениями стояла рыжеволосая девушка. Она примеряла на запястье браслет из медной проволоки и спорила с торговкой о цене. Кей замедлил шаг и, забыв, что только что подгонял брата, уставился на неё. Девушка заметила его взгляд, приподняла бровь и едва заметно усмехнулась.

Эйдан ничего не сказал. Только запомнил.

Рядом продавали домашнюю утварь: кастрюли с прожжёнными доньями, кружки со сколотыми краями, самодельные светильники из банок. Между прилавками сновали дети — худые, грязные, быстрые. Один пытался стащить с доски связку сушёных кореньев, но торговец поймал его за ворот и отвесил подзатыльник. Мальчишка вывернулся, показал язык и исчез в толпе раньше, чем торговец успел схватить палку.

Где-то плакал младенец. Где-то смеялась женщина. Кто-то громко рассказывал, что видел на востоке птицу с чело-

веческим лицом, а кто-то не менее громко требовал вернуть деньги за лекарство, после которого у него выпали последние зубы.

Рынок жил.

Жил шумно, грязно и жадно, будто всем собравшимся хотелось доказать красному небу, что они ещё не умерли.

Но самый богатый прилавок — Эйдан заметил это сразу — принадлежал мистеру Дрису Ортеге, тому самому зажиточному агроному, о таланте которого знала вся Долина. Возле его товара всегда толпились люди. Женщины перебирали пучки травы, охотники спрашивали настои от заражения, старики долго торговались из-за щепотки заварки.

Стол ломился от товара: целые горы сушёной травы — не красной, а почти зелёной, что считалось признаком высшего качества, — коренья в пакетах из старых газет, склянки с настоями, даже несколько картофелин — редкая роскошь. Картофель лежал отдельно, на куске чистой ткани, и покупатели поглядывали на него с почти религиозным почтением.

Сам Дрис Ортега сидел на складном стуле, привалившись спиной к стене, и курил короткую трубку. Роста он был среднего, коренастый — совсем как Аллан Хант, но без его сутулости. Густая чёрная борода была усеяна крошками табака, а лысеющую голову прикрывала соломенная шляпа.

Шляпа была надвинута на глаза, но, когда Ортега поднимал взгляд, его чёрные, быстрые и цепкие глаза не упускали ничего.

В тот момент, когда братья Хант подошли ближе, у прилавка уже крутилась странная компания. Четверо, нет — пятеро мужчин в длинных плащах из грубой мешковины, с капюшонами, нахлобученными на головы. Из-под капюшонов виднелись платки, завязанные узлом на подбородке — белые, но давно не стиранные, серые от пыли. Ни лиц, ни возраста не разобрать. Один, самый низкий, что-то нашёптывал Ортеге на ухо, другой перебирал товар грязными пальцами.

— Проклятые сектанты! — голос Дриса прозвучал как выстрел. Он вскочил, выбив трубку изо рта. — Убирайтесь от моего прилавка! Всех покупателей мне распугаете!

Он схватил распятие — маленькое, медное, на кожаном шнурке — и сунул его прямо в лицо ближайшему из плащеносцев.

— У меня есть Бог! Вот Он! А у вас что — пустота?

Нижний, тот что шептал, отступил на шаг. Но не испугался — просто выпрямился, и тогда стало видно, что он старше остальных. Морщинистое лицо, глубоко запавшие глаза, белая борода торчит из-под платка.

— Разве твой Бог уберёт твою семью? — спросил старик тихо, почти ласково.

Эйдан замер. Он знал эту историю — вся Долина знала. Семья Дриса Ортеги погибла от голода, когда он был молодым. Жена и две дочери просто легли однажды и не встали. Говорили, что с тех пор он клялся, что никто больше в его доме не умрёт с пустым желудком, и стал лучшим агрономом

на много километров вокруг.

— А где был ваш Бог? — Дрис не дрогнул. Голос его стал тише, но от этого только страшнее. — Где он был, когда мои девочки просили есть? Спал? Отвернулся? Закрыв глаза, словно ничего не видел?

Старик покачал головой — медленно, словно у него боела шея.

— Он ждал. Ждал, когда вы поймёте, что молились не тем Богам. Не тем, кто живёт в золотых храмах и требует жертв. А тому, кто живёт в каждом из нас — в вашей боли, в вашей пустоте, в вашей надежде.

— Я знаю, что вам нужно! — Дрис шагнул вперёд, и сектанты невольно попятились. — Вы хотите заманить меня в свою секту и иметь выгоду с этого. Хотите мой товар. Все вы одинаковые — сначала молитва, потом «поделись с ближним». А потом приведи друзей своих, раскрой глаза им.

— Это не так, — старик не повысил голоса, и от этого его слова прозвучали убедительнее. — Нам не нужны твои блага, Дрис. Твой голос — вот что нам нужно. Твой голос, который скажет другим, что есть другой путь, кроме клейма и плуга.

— Вы его не получите, — отрезал Ортега и отвернулся, демонстративно начав перекладывать пучки травы.

— Что здесь происходит? — Кей подошёл сбоку, встал так, чтобы загородить собой проход к прилавку. Эйдан — за ним, чуть сзади, положил руку на нож.

— Шарлатаны, Кей! — Дрис махнул рукой в сторону сектантов. — Вот что это значит, ребята. Им легче говорить, чем делать. Не удивлюсь, если эта шайка скоро будет пудрить мозги вашему отцу. Аллан Хант — человек старый, одинокий, самый подходящий для них.

Кей оскалился — не зло, а скорее с удивлением.

— Наверное, вам лучше уйти, — тихо сказал Эйдан. Он смотрел на старика, пытаясь разглядеть что-то за его белой бородой и запавшими глазами. Но взгляд старика был спокойным, почти пустым — как у человека, который уже видел всё и ничего не боится.

— И побыстрее, — добавил Кей, вытащив нож на полпальца из ножен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.